"Черт, я лучше умру, чем буду страдать от болезни".

Люди с трудом приспосабливаются к новым ситуациям, выходящим за рамки нормы. В деревне у моста были чистые, полноводные ручьи, благодаря множеству скал. То, что он не мог пользоваться водой в своем родном городе, было непостижимо.

Это была одна и та же вода, но разная в Сахеле и в деревне на мосту. Если одна была спасательным кругом, то другая существовала как воздух. Однако мост сильно пострадал от разрушения.

Таков был закон эквивалентности. Приобретение одного означало потерю другого. Они боролись с наводнениями, построив плотину, что, в свою очередь, дало возможность получить работу, но это разрушило окружающую среду.

"Интересно, исчезли ли эти твари с тех пор, как река превратилась в дерьмо?"

Он внезапно вспомнил солдат, всплывающих из воды, как пузыри, темным ранним вечером среди густого тумана. Ему стало интересно, исчезли ли солдаты, которые обычно маршировали в бессмысленных строевых порядках. Во время битвы он выбросил их группы в реку Накдонг. Возможно, убитые им солдаты ФРОЛИНАТА бесцельно бродят по Сахелю.

"Я должен сосредоточиться на приготовлении жареного фазана".

Он разрезал брюхо фазана кончиком большого пальца. Живот распахнулся, как будто его разрезали ножом. Он вытащил все кишки и обмазал их грязью.

Чжин Сун развел костер из сухих веток и бросил в огонь обмазанного фазана. Оба уставились на высыхающий грязевой шар, который начал затвердевать в огне. Наступило молчание.

"Оппа, разве ты не можешь сделать что-нибудь с этими вещами сейчас?" резко сказала Чжин Сун.

Она назвала людей "тварями", но Му Санг никак не мог этого не понять.

"Трудно решить это в суде. Я была нетерпелива, или лучше сказать, что я временно сошла с ума?".

"У нас есть завещание Кан Ён Сук и признание под присягой этих вещей, так неужели так трудно подать на них в суд? Вам нужно избавиться от грязного преступления, за которое вас подставили.

Однако это будет сложно, так как эта проклятая сучка покончила жизнь самоубийством".

Чжин Сун была настойчива. Они были хитрыми людьми, которые использовали сильное чувство справедливости ее оппы, чтобы заманить его в ловушку. При взгляде на них, живущих своей жизнью, ей захотелось выbleвать весь рис, который она съела четыре дня назад.

"Дело в том, что их трудно поймать с помощью закона. Я могу похитить и избить их, не думая о последствиях. Я должен был бы избавиться от обвинения в изнасиловании, но вместо этого меня бы обвинили в похищении и насилии".

Он мог бы сам отменить решение суда, но Санг Хан, который помог бы с похищением, оружием и следами, стал бы проблемой. Семья Чжан с радостью подняла бы шум в полиции и

прокуратуре. Он не возражал, но люди вокруг него пострадали бы.

"Тогда как ты собираешься очистить свое имя, оппа?"

"Хехе, я ничего не мог сделать, так как тогда были подражатели солдатам, но сейчас я могу потихоньку начать".

"Что ты собираешься делать?"

"Если ты ударил человека ножом, ты должен обвинить того, кто ударил. Конечно, я не могу оставить в покое канализационный мусор, даже если он был использован в качестве оружия. Я завернул кое-какие вещи. Осталась только банда с ручным топором. Но, как видишь, они для меня ничто, поскольку на поле боя я видел и похуже".

"Ничего? Они испортили тебе жизнь, оппа, и они - ничто?" тон Чжин Сун повысился.

"Брат, это я пострадавший. Почему ты злишься? Жизнь оппы не разрушена. Я могу пить иностранную воду и зарабатывать много денег благодаря семье этой сучки, так что это хорошо".

Му Санг похлопал Чжин Сун по спине.

"Тогда я даже думал убить мать и детей семьи Чжан. Учитель застал меня за рытьем ямы для их захоронения и сильно избил. Однако после того, как я несколько раз возвращался из мертвых, я понял, что они для меня ничто. Мне кажется, что моему отцу тоже не понравилось бы, если бы я напал на свою собственную семью".

"О, да, какой святой".

На лице Му Ссана появилась святая улыбка.

"Я узнал, что единственное животное, которое может смотреть прямо на солнце, - это хамелеон. Ни один человек на земле не является достаточно чистым, чтобы смотреть прямо на небо. Саттвы являются саттвами, потому что мы несем грехи в течение всей нашей жизни. Наверняка там бесчисленное множество людей замышляет свою месть мне".

"Вау, ты действительно мой оппа? Этот старый дедушка-монах просто потрясающий. Он превратил оппу, который затаил обиду, в Будду! И что? Ты собираешься забыть все, что они сделали, и жить с мантрой "один за всех, все за одного"?"

Он ухмыльнулся еще шире в ответ на насмешки Чжин Суна. Это была улыбка, такая же холодная, как ранняя зима.

"Я не могу этого сделать. Я планирую вытрясти все деньги из того человека, которого я называю дядей, и ведьмы, которая служит деньгам, как Будда."

"Это идеальный вариант, но не будет ли это слишком слабой мезтью?"

Чжин Сун наклонила голову. Деньги можно заработать. Как можно считать мезтью получение денег? С тех пор, как он уехал в чужую страну, он действительно стал мягким.

"Хе-хе, у этих людей совершенно иной взгляд на деньги, чем у нас. Что вы считаете самым важным?"

"Конечно, это ты, оппа, и моя семья. Мне не с чем сравнить вашу ценность, так что стоит ли говорить, что она абсолютна?"

"Вот именно. Сун, что бы ты сделал, если бы кто-то забрал оппу и твою семью?"

"Я бы сошла с ума. А! Понятно." Чжин Сун осознала это.

Потерять оппу было ужасной мыслью. Жить стало бы бессмысленно. Они считали деньги Богом, поэтому лишиться их было бы очень больно. Оппа был человеком, который держал свое слово. Семья Чжан вдруг показалась ей очень жалкой.

"Ух ты, оппа, ты злой!" воскликнула Чжин Сун.

Оппа не стал сидеть сложа руки и наблюдать. Нет, оппа действительно был удивительным человеком.

"Хухуху! Хватит меня хвалить. Все почти готово. После этого мы должны посетить могилу моего отца".

Пока они болтали, глина стала кирпично-красной. Му Санг расколол глину. Перья, прилипшие к глине, отклеились, как будто с них сняли пластиковую упаковку.

От белой кожи шел пар.

Он посыпал фазана солью и перцем и обернул его листьями маранты. Затем он снова покрывал его грязью, после чего снова клал в огонь.

Фермеры, которые всегда поднимались в горы, обязательно заканчивали трапезу там. Они всегда приходили с основными специями, такими как соль, перец и перечный порошок. То же самое было и у Му Ссанга. С юности он всегда носил специи в карманах. Эта привычка сохранилась до сих пор.

"Брат, мое терпение на пределе. Давай поедим".

Когда он расчистил грязь, от фазана сразу же исходил сладковатый запах. Чжин Сун сглотнула слюну. Оппа был волшебником. Он был фокусником, который выступал исключительно для одной аудитории. Ее сознание плыло от счастья.

"Спасибо, оппа. Оппа должен был быть там, когда король Сунджо бежал в Уйджо. Я слышала, он жевал невареный рис, так как был слишком занят бегством".

"Нет, сопляк. Я ненавижу страну Чосон и этого человека особенно. Если бы я охранял его, я бы вышвырнул его в реку Имджин".

Му Санг задрожал. Он ненавидел царей династии Чосон, но еще больше он ненавидел Инчжо, Сончжо и Гочжона. При мысли о них у него возникало ощущение, что по нему ползают вши. Они были иконами некомпетентности, глупости, детской незрелости и ревности.

Тот, кто бросил свой народ и бежал ночью, тот, кто поджег реку Имджин, чтобы проложить себе путь, тот, кто из ревности обвинил Ли Сун Сина в мятеже, и тот, кто даже не появился на поле боя, - это был король Сунджо.

Когда Сунджо писал свой меморандум об умершем почетном слуге Ли Сун Сине, он сказал: "Жалость к нему навсегда останется сожалением в моем сердце. Я подниму его должность до

нужного министра, чтобы успокоить его светлую душу, и верну все свои долги, открыв храм для его похорон. Только его душа будет удостоена моей особой благосклонности. Здесь я провозглашаю, и так оно и будет".

Моя особая благосклонность?

Это была разочаровывающая фраза, от которой у человека поднималось кровяное давление. Люди, которые жили при таком бесполезном короле, были жалкими.

"Опять этот твой нрав!" Цзинь Сун оторвал ногу фазана и засунул ее в рот.

Ей придется выслушать лекцию по истории, если она оставит его в покое. Оппа был в целом неплохим человеком, но он слишком сильно заботился о благополучии страны.

Лекции по истории были скучными. Какая разница, бросил ли Сунджо свой народ в прошлом или нет? Арендная плата и плата за обучение в университете были существующей проблемой.

"Ах ты, сопляк проклятый!"

Му Санг посмотрел на Чжин Сун и удовлетворенно улыбнулся. То, как она рвала мясо голыми руками, выглядело так естественно. Если Эдель была осторожной и умной красавицей, то Чжин Сун - естественной и чистой подругой.

Хм!

Он вздрогнул. Как он мог подумать об Эдель?

"Вау, это потрясающе. Это так хорошо!" удивленно воскликнул Му Ссанг.

Му Ссанг был невежественным дураком, когда дело касалось отношений между мужчинами и женщинами.

Сгааск-

Сгааск-

"Боже, я же говорил тебе не есть кости, разве нет? А ты все равно ешь! У сухопутных животных кости тонкие и крепкие, так что это опаснее".

Цзинь Сун не знал, что зубы парантропа крепче, чем у гиены, а пищеварительный сок у них как у крокодила.

"Хватит меня ругать, заткнись!"

Он набил рот Чжин Сун фазаньей ногой.

Могила его отца в деревне Ёнгок была чистой. Могила была чистой и покрыта дерном. Не было ни одного сорняка. Казалось, что за могилой его отца регулярно ухаживали. Там не было ни акаций, ни лиан, что означало, что могилу кто-то убирал каждый год.

Кто это был?

Никто бы не стал ее убирать. Родственники в деревне у моста? Они бы лучше вымыли руки в бобовой пасте. Он дал бы им 100 000 долларов, если бы они действительно это сделали.

Тетя Ха Донг? Нет. В отличие от мужчин, женщины не были заинтересованы в уходе за могилами. Мысль о том, чтобы ухаживать за могилой предка, его совсем не привлекала.

Он не думал, что старые друзья его отца также позаботятся о могиле.

Его право на землю вернулось, а за могилой отца регулярно ухаживали?

Существовало два варианта. Либо его мать выжила и вернула себе право собственности, либо дядя сошел с ума и вернул себе дом и прилегающие земли.

Первый вариант был тем, на что он надеялся. Если бы его мать вернулась, Ха Донг никак не мог бы не знать об этом. Ведь они были ближе, чем родные братья и сестры.

Вторая возможность имела меньше шансов, чем первая. Мост, превратившийся в море, был более вероятен, чем то, что дядя и тетя передумали.

Как бы то ни было, ключ был у тети и дяди. Он чувствовал, что ему придется встретиться с семьей дяди, как только закончится молитвенная служба. Он чувствовал себя крайне раздраженным.

Он разложил подношения, которые приготовил Чжин Сун. Закончив молитву, он посыпал могилу рисовым ликером, а затем зажег сигарету и оставил ее на алтаре для благовоний.

"Отец, ты ведь любил сигареты, не так ли? Это дорогая иностранная сигарета Cohiba Siglo. Ты чувствуешь досаду, что так быстро ушел из жизни, не так ли? Если бы ты был жив, твой сын подарил бы тебе пачку хороших сигарет. Ну, если бы ты был жив, полагаю, я бы не сбежал за границу после того случая".

Му Ссанг опустился на свое место и начал рассказывать свою историю. С точки зрения могильщика в поле зрения попала деревня Ёнгок. Он мог видеть поля, раскинувшиеся перед деревней, и плотину слева.

Он также мог видеть поле, на котором его отец распылял удобрения. Он пристрастился к этому. Он играл в реке, пока его отец работал, ловил угрей и рыбу. Счастливые, грустные и болезненные воспоминания разворачивались в его сознании, как панорама.

"Папа, я заработал много денег, как и обещал. Ты бы не хотел, чтобы твой единственный сын голодал. Я планирую помогать людям, живущим в трудных условиях, и направлять их, чтобы они сами распоряжались своей жизнью.

Не называйте меня инвестированным. У людей есть только 100 лет жизни, не так ли?".

Десять лет назад он посетил могилу отца, прежде чем сбежать из дома своего дяди. Он сварил раков и наполнил свои вонючие резиновые туфли водой, чтобы поставить их на алтарь. Он пообещал заработать больше денег и устроить отцу большой праздник.

Он сдержал свое обещание и заработал много денег. Однако примет ли его отец сына-наемника?

Он не мог сказать.

Он вспомнил лицо матери, которое засунул в самые глубокие уголки своего сознания. С момента исчезновения матери прошло 14 лет. Слова его учителя о том, что он не должен

противиться судьбе связей или заставлять их идти определенным путем, тоже тяготили его.

Что он должен делать?

Он уже не был подростком, и не то чтобы у него не было сил. Он даже подумывал объединить все банды страны, чтобы организовать поиски матери.

"Сначала я должен учиться", - подумал он.

Было забавно, что ему приходилось держать книгу окровавленными руками, но так уж устроено человеческое общество. Те, кто стал героями, поощряя убийства, как Чингисхан, Ганнибал, Цезарь, Александр и Наполеон, были настоящими грешниками.

Количество трупов его убийц было несравнимо с их человеческими жертвами. Оно едва ли сравнится с количеством крови в птичьей лапке. Монстр даже избавился бы от своих прошлых записей как преступник ради взаимопонимания с другими.

Включая Хидэки Тодзио, казненных военных преступников Японии было всего семь человек. Король Хирохито, на котором лежала самая большая ответственность, даже не был привлечен к ответственности. В загробном мире те, кто был грязным, остались грязными, а те, кто был чистым, остались чистыми.

Посмотрите на него. Он получил огромные деньги и медаль за убийство тысяч людей. Так устроен мир. Нужно ли было отчаиваться или пытаться что-то сделать, это была собственная ответственность и жизнь.

"Отец, покойся с миром. Я не мог часто навещать его.

Я был занят войной в другой стране. Я не смогу часто приезжать. Я занят учебой и жизнью тоже. Я найду маму, как только смогу. Будь здоров".

Попрошавшись с ним, Му Санг поплелся вниз с горы. Цзинь Сун все это время не открывала рта. Чжин Сун знала, когда нужно говорить, а когда молчать, как призрак.

Когда Му Санг вошел в дверь, его встретил крик.

"Кьяааа, это оппа!"

<http://tl.rulate.ru/book/75373/2165013>